

—

Как только Линь Цзыкуй ушёл, Мо Лю с хриплым голосом возбуждённо сказал: «Господин, вторая госпожа, похоже, очень вас любит! Это так здорово, даже если господин Сяо не захочет, ему всё равно придётся выдать за вас дочь».

Линь Цзыкуй опустил голову, вдыхая насыщенный аромат сливы, его губы слегка изогнулись в улыбке: «После того, как я сдам весенние экзамены, я пойду в поместье Сяо, чтобы просить руки».

В тот день он вытащил палочку с предсказанием, и даосская монахиня, которая истолковала ее предсказание, сказала, что эта женщина будет влюблена в него, будет сама к нему приближаться и добиваться его.

Он поклялся перед Гуаньинь, что если вторая госпожа согласится, он никогда её не покинет.

Поэтому за эти несколько дней Линь Цзыкуй постепенно пришёл к выводу, что хотя характер второй госпожи был немного легкомысленным и беззаботным, она была весёлой и внимательной, даже тайно принесла ему лекарство; хотя её внешность сильно отличалась от того, что он себе представлял... она была слишком крупной для женщины, но каждый раз, когда Линь Цзыкуй думал о ней поздно ночью, в его сердце зарождалось незнакомое чувство ожидания.

Это была его будущая жена.

В будущем... ему предстояло родить с ней детей, провести с ней остаток жизни и состариться вместе.

Хотя вторая госпожа не выглядела так, будто она могла бы быть хорошей женой и матерью, это не имело значения. Воспитанием детей он мог заниматься сам.

После императорских экзаменов, когда он получит степень цзиньши, он сможет с полным правом просить руки второй госпожи у господина Сяо.

Сердце Линь Цзыкуя было полно энтузиазма. Вернувшись в Зал Очищения Сердца, он сначала аккуратно поставил сливу в чистый глиняный горшок, а затем в несколько шагов направился к жилищу даоса Линьюаня.

С этим даосом он говорил больше всего в этом огромном храме Синчжи.

Линь Цзыкуй принёс ему немного кунжутных леденцов и, сев, спросил: «Не скрою от даоса Линьюаня, у меня большие глаза, поэтому мне трудно читать. К сожалению, у моего маленького слуги в эти дни охрип голос, и он не может говорить. Поэтому я хотел бы спросить у даоса, есть ли в храме какой-нибудь маленький даос, который хорошо читает? Может быть... он мог бы почитать мне несколько дней? Мне нужно только чтение, я не оставлю его без вознаграждения».

Линьюань на мгновение задумался: «Все даосы в храме должны звонить в колокола и заниматься с самого утра до вечера. У них не так много свободного времени».

Линь Цзыкуй: «Тогда...»

Линъюань: «Однако в храме есть павильон для хранения книг, называемый павильоном Цинсинь. Там есть даос, который заботится о книгах, это мой дядя Линбо. Он очень образован, до того как стать даосом, он тоже был учёным. Вот что, я завтра пойду и поговорю с ним. Вы можете пойти в павильон Цинсинь и найти его. Он любит куриные ножки. Вам нужно будет приносить ему по одной куриной ножке каждый день, и он согласится на любую вашу просьбу».

«Это замечательно, тогда спасибо, даос!»

Линъюань: «Господин Линь, не стоит благодарности. Кстати, я вижу, что ваша походка уже в порядке. Рана на ноге зажила?»

«А?» Линь Цзыкуй был удивлён: «Даос знал, что я ранен? Ничего страшного, ничего страшного, уже зажила!»

Линъюань рассмеялся: «В тот день я видел, что господину Линю неудобно ходить. Ночью я вспомнил об этом и принёс ему пузырёк с лекарством. Но, к сожалению, я увидел, что вы усердно читаете, и не стал беспокоить, а просто оставил его у двери. Сегодня я вижу, что вы поправились, и моё сердце спокойно».

Линь Цзыкуй вдруг замер, открыл рот: «Это лекарство... это вы принесли?»

Линъюань кивнул: «Да. В горах Шестнадцати Небесных Пещер много дождей, а зимой, если выпадет снег, становится ещё скользче. У господина Линя большие глаза, ему нужно быть очень осторожным».

Лицо Линь Цзыкуя было ошеломлено, а затем он понял. Оказывается... вторая госпожа не приносила ему лекарство.

Он сам всё себе придумал.

Попрощавшись с Линъюанем, Линь Цзыкуй вернулся в Зал Очищения Сердца. Он читал до поздней ночи, пока глаза не начали болеть. Затем он остановился и при свете свечи написал несколько ключевых моментов для весенних экзаменов, на которые указал учитель в академии Интянь.

Первая часть весеннего экзамена состояла из трёх вопросов по «Четырёх книгам» и четырёх вопросов по «Пяти классикам». Он уже давно прочитал их все, и хотя Линь Цзыкуй ненавидел багувэнь*, первая часть экзамена не представляла для него проблемы.

[*Багувэнь, 八股文, bāgǔwén - восьмичленное сочинение; классическое сочинение из восьми частей, умение писать которое проверялось на императорских экзаменах.]

Вторая часть экзамена состояла из сочинения, включающего пять судебных решений, включая императорские указы и декреты...

А в чём Линь Цзыкуй был наиболее силён, так это в политических сочинениях.

Он написал по очереди на бумаге: «Наводнения в низовьях Хуанхэ, нашествие саранчи в столице, дань от северных варваров, татары в Ляодуне, война с тюрками, противостояние фракциям и восстановление реки Хуайхэ».

Темы для сочинений на экзаменах редко выходили за рамки этих. Это было то, что Линь Цзыкуй вывел, днями и ночами изучая все экзаменационные вопросы за все годы династии Е в библиотеке академии Интянь. В эти дни он устал, и, написав немного, его веки не выдержали и закрылись, и он уснул, положив голову на стол.

Свет свечи мерцал, ночь была холодной, и за дверью послышался стук.

«Линь-лан?»

Мо Лю собирался переложить Линь Цзыкуя на кровать, но был слишком слаб, чтобы сделать это. Услышав стук, он пошёл открыть дверь.

«Скрип...»

Мо Лю посмотрел за дверь. Ему пришлось поднять голову. Это была вторая госпожа, одетая в чёрный лисий плащ. Она выглядела совсем не так, как днём, и казалась строгой, а рядом с ней был её личный телохранитель.

Глаза Мо Лю некоторое время смотрели на вторую госпожу. Он видел в ней суровую, красивую мужественность, словно в молодом генерале-женщине, которая переодевалась мужчиной на поле боя.

Он быстро отвёл взгляд, а затем снова посмотрел на телохранителя, бормоча про себя: «Почему женщина, выходя из дома, не берёт с собой служанку, а берёт мужчину?»

Может, он тоже женщина переодетая в мужчину?

Не похоже...

Он взглянул ещё дважды и встретил на себе гневный взгляд Юанью. Мо Лю ничего не оставалось, как только смотреть на дружелюбную улыбку Сяо Фу.

«Вторая госпожа, вы пришли так поздно, что-то случилось?» Чтобы не разбудить Линь Цзыкуя, Мо Лю говорил очень тихо.

Сяо Фу заглянул внутрь и тихо спросил: «Линь-лан спит?»

Из комнаты доносился лёгкий холодный запах чернил, смешанный с ароматом сливы. При свете свечи Сяо Фу увидел, что на плечи Линь Цзыкуя накинута старая накидка с воротником из серого кроличьего меха, его лицо лежало на руке, а под ней были слои рисовой бумаги.

Мо Лю сказал: «Вторая госпожа, мой господин уснул, читая».

«Почему он спит за столом?» Сяо Фу сделал шаг вперёд, и Мо Лю вздрогнул: «Вторая госпожа!»

Сяо Фу сказал: «Я принес Линь-лану меховую накидку из кроличьего меха, мне нужно её занести».

Мо Лю заметил ящик, который нёс телохранитель, почесал голову и, немного поколебавшись, отошёл в сторону: «Вторая госпожа, у моего господина чуткий сон, он легко просыпается».

«Я его не разбужу». Сяо Фу вошёл и увидел, что Зал Очищения Сердца был в два раза меньше его Зала Холодной Сливы. Он состоял из двух комнат: в первой стоял письменный стол, чайный

стол и книжная полка, а во второй — две кровати, разделённые старой ширмой.

Письменный стол, на котором лежал Линь Цзыкуй, был небольшим. Рядом с ним стояла ваза с белыми сливами, которые он принёс днём. На столе лежала высокая стопка книг, чернила, бумага и кисти, а на подставке висели несколько кистей из фиолетовой шерсти. Пламя свечи мерцало от ветра, он спал с закрытыми глазами, его ресницы тихо опустились, несколько прядей чёрных волос упали, а старый серый кроличий мех обрамлял нижнюю часть его худого лица.

И Линь Цзыкуй вовсе спал не так чутко, как говорил Мо Лю. Сяо Фу наклонился и приблизился к нему, а тот ничего не почувствовал.

Когда Сяо Фу был совсем близко, он закрыл глаза и тихо вдохнул запах. От него пахло только бумагой и чернилами, как от учёного. Если принюхать, то и кожа у него тоже приятно пахла, тёплым ароматом.

«Вторая госпожа...» Сердце Мо Лю колотилось в горле.

Сяо Фу: «Тсс, твой господин чутко спит».

Мо Лю: «...»

Сяо Фу небрежно взглянул на его стол и увидел, что почерк у него очень красивый и изящный, как и у он сам.

Он взял один листок наугад и, увидев написанное, его взгляд постепенно изменился.

Сяо Фу опустил голову и посмотрел на Линь Цзыкуя с ноткой удивления в глазах.

«Неудивительно, что он настолько дерзок, что осмеливается ругать императора Вэньтая».

Политическое сочинение Линь Цзыкуя было написано очень хорошо, оно совершенно отличалось от тех, что писали обычные упрямые учёные, и от того, что думал о нём Сяо Фу.

Это был человек с великим талантом, способный управлять страной! Просто его характер был слишком наивен, он не был погружён в мир чиновничества и не умел скрывать свой блеск.

«Если бы это сочинение попало к императору, тебя бы, наверное, высекли...»

Слова Сяо Фу не были поняты ни одному из двоих присутствующих. Выражение его лица не изменилось, он положил бумагу на место. Затем Сяо Фу наклонился, чтобы обнять Линь Цзыкуя за талию. Мо Лю тут же подскочил: «Вторая госпожа, это лучше сделает Мо Лю!»

Сяо Фу увидел, что тот настаивает, и отпустил его.

Мо Лю, шатаясь, поднял господина со стула, но он был слишком молод и слаб. Как только он поднялся, его лицо покраснело, и он неустойчиво покачнулся.

Сяо Фу решительно протянул руку, обнял Линь Цзыкуя за талию и крепко притянул его к себе. От такого движения Линь Цзыкуй, как бы крепко он ни спал, должен был проснуться.

Увидев, что глаза учёного медленно открываются, Сяо Фу притворился, что не может удержать его, и его ноги подкосились. Он, обняв его за талию, упал на пол.

«Плюх!»

Линь Цзыкуй, прижавшись к нему, упал на пол вместе с ним. Он сразу же проснулся.

Линь Цзыкуй в оцепенении открыл глаза, и перед ним оказалось красивое лицо, совсем близко.

Он был ошеломлён, по крайней мере, несколько мгновений, думая... что это сон, и его сердце бешено заколотилось.

Но затем он услышал, как человек перед ним заговорил: «Линь-лан, что же ты делаешь?»

Лицо господина Линя было в тумане. Он только что проснулся, и его руки подсознательно упирались в него, пытаясь встать.

Сяо Фу чувствовал его вес на себе, это было очень странное ощущение, которое заставило его обнять его.

Старый воротник из кроличьего меха тёрся между их лицами, щекоча шею.

Увидев, что Линь Цзыкуй ошеломлён, Сяо Фу одной рукой схватил его руку, которая случайно легла на его рёбра, и сказал, открыв рот: «Мы ещё не поженились, а ты уже воспользовался мной. Если об этом узнают, как мне потом жить?»

Если бы его тон не был таким властным, а его слова не были так полны озорства, можно было бы подумать, что он действительно сильно обижен!

—

Примечание автора:

Господин Линь: «Ничего, я женюсь на тебе».

—

<http://bllate.org/book/14420/1274652>